

16+

Миров А.Я.

Один такой

А. Я. Мирон

Один такой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59651536

SelfPub; 2020

Аннотация

Люди? Люди! Люди.... Вокруг так много людей. Масса. Орава. Толпа. Толпы толп. Сложно не потеряться. Трудно найти того, кто затмит всех. Но он там точно есть. Присмотрись, он один такой. P.S. Жаль, что это не всегда про любовь. Но, может быть, сейчас?

Содержание

Глава 0.	6
Глава 1.	14
Глава 2.	22
Глава 3.	28
Глава 4.	33
Глава 5.	40
Глава 6.	46
Глава 7.	53
Глава 8.	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Наша страна как нескромно разлитый по планете океан, что так неприятно давит своей необхватностью на самомнение соседних лужиц.

– Подумаешь, просто неразумное скопище рандомных капель, – отметит про себя, а то и вслух при наличии собеседника, некий нерасположенный к мокрой мощи наблюдатель.

Ваша правда, безымянный критик, океан – это действительно всего-навсего множество крупинок воды, как и страна наша – череда упразднённых официально, но живых и здравствующих ментально уездов. Да в этом-то и вся прелесть чего-то большого и бескрайнего – в его видимых рядовому глазу составляющих. Только вот презрительному взгляду всей этой красоты не схватить. Здесь же не просто раздва моргнул и визуально обогатился. Нет, тут сноровка и внимательность необходимы. Так просто выудить тонущие в безбрежном целом частички не получится. А ещё сложнее в несимпатичной массе узреть что-то напротив привлекательное. Как говорится, отделить краевые зёрна от сверхдержавного колоса.

– Так не бывает! – бросится на амбразуру вербальной распри помянутый ранее спорщик.

– Если мне неинтересен весь океан, – присоединится к дискуссии другой скептик, – Имеет ли смысл разменивать на его каплю своё драгоценное время?

Имеет, дорогие мои вещатели, ещё как имеет. Всё на этом свете не лишено смысла. Если не брать в контекст закон о

запрете курения в, так сказать, общественных местах. Это что, курильщик не общество, что ли? Перегаром и чесноком, значит, в этих самых местах дышать можно, а курить – ни-ни. Окропившие всё вокруг авто лёгким вашим, значит, не во вред, а только белизны прибавляют, а вот, ежели, кто рядом сигаретку подожжёт – конец, впору вешаться. Ибо ничего хуже пассивного курения сатана ещё не придумал. Или это просто на слово «пассив» у населения такая нездоровая реакция?

Ладно, заговорили вы меня. Сейчас не об этом. Сей час я не в доказательство, а развлечения ради, исключительно для вас устраю литературную экскурсию. И пусть моё повествование – всего лишь сочетание знакомых слов, но именно тебе, мечтающему о хорошей книге читателю, конгломерату костей и амбиций, решать: имеет ли пресная толика право на существование в океане и можно ли найти в народе человека.

Глава 0.

Случись вам оказаться в районе реки с томным названием Койка, мой вам совет, не поленитесь: преодолейте несколько маховых саженей строго на Юг. Не пожалейте скопленных в мегаполисах калорий: разомните пыльными туфлями позвоночник не толерантной к пешеходам колее. Вашему пылливому оптимизму предстанет во всей своей первозданности природа-мать. Да не просто мать, а мать-одиночка. Брошенная мужем-благодетелем во имя инфраструктуры-профурсетки.

И, значит, идём мы с вами строго вдаль: растрескавшаяся твердь внизу, развалившаяся синь поверху, а посередине....

– Гвоздик?

– А посередине – вы! Острый гвоздь в крышку гроба моей лени и почётный гость сего рассказа. Ну и я с вами, так сказать, заодно.

Нам будто бы удалось попасть в тот интимный момент, когда Бог успел создать только землю и небо. Река Койка не в счёт. Она, положим, была уже, есть уже и, сами понимаете, двигаться надо дальше. Дальше и дальше.

Когда болтовня кучкующихся над водяной гладью стрекоз канет в безмолвие, а бездорожье покажется основой бытия, считайте, что мы уже донесли свою суть до нужного места.

– Ничего не поменялось! – стукнет обгрызенным матерью-природой каблуком умаянный путешественник. – Вокруг всё та же высушенная до порошка грязь, окаймленная плешивыми деревьями.

Да ну бросьте вы свои избалованности, любезный мажор транспортного дискомфорта. Лучше смахните с потных век разнузданную истерику и гляньте вон туда. Да-да, именно туда. Видите долговязый кованый забор с нашампуренными на его пики беспомощными облаками? Ну-с, вот мы и пришли. Осталось всего ничего: проскользить вдоль причудливого кружева металла строго налево. Для пущей решимости можно дополнить перемещение указательным пальчиком, коему будет регламентировано легонько цепляться за узорчатую изгородь. И так вплоть до самого упитанного столба, который вместе со своим братом-двойняшкой заботливо поддерживает железное полотно двери.

Заметили? Столбы именно двойняшки – не путать с близнецами!

– Какая разница? – устало выдохнет пыль мой привередливый спутник.

Вот сразу видно, нет у вас рождённых в одно с вами время ближайших родственников. А на нет, как говорится, Басманный суд вам.

Ну, довольно витиеватых дискуссий, стучите. Да не по столбу! В дверь! Ну и что, что звонок висит?! Он вам что, работать обязан? Его сказано было повесить, так вот он и

висит. Стучите, говорю.

– Пароль! – мягким басом осведомился некто за дверью.

Что вы пожимаете плечами? Пароль я знаю. И все, кто имеет хоть какое-то отношение к обнимаемому забором городу тоже знают. Да, именно: за творчеством неизвестного кузнеца находится город. И этот город, вы не поверите, кишмя кишит его жителями. У него даже на карте своя отметочка имеется. Правда, не на каждой карте: новые издания отчего-то брезгают марать себя конечным пунктом нашего путешествия. Да и сам город в долгу не остаётся. Вы же видите этот забор? А столбы-двойняшки? Дверь? Это вот ответочка снобистским выпадам молодых картографов.

А ведь раньше сей град крепко прижимал к себе за версту веющую уважением аббревиатуру «ЗАТО»: закрытое административно-территориальное образование. И на карте у самих, который с усами, знаете кого ему выдавалась почётная красная точка. Местные магазины хвастались дефицитными для всех остальных, «незатошными», городов товарами. О том, что, оказывается, существует такое явление как «преступность» население узнавало только из газет. Двадцати процентные надбавки к зарплате за то, что живёшь в ЗАТО, не оставляли ни малейшего шанса на противостояние чувству превосходства.

Однако после развала союза нерушимых республик советских у нашего героя отняли статус «закрытый». С особо секретных карт скромно населённый пункт переместился на

карты общедоступные. Народ, надо сказать, даже как-то обрадовался: мол, если уж и пал режим секретности, то хотя бы простой люд из других городов о них наконец-то узнает. Но не тут-то было. Отметили наш стратегически важный в прошлом объект раз, потом другой, а на третий пропустили. Вот река Койка, вот сестра её Малая Койка, а города-то нет.

Да и чего его собственно обозначать? Наполеон там не останавливался, даже в виде торта. Гитлер и тот мимо прошёл. Я уж не говорю про памятники Владимиру Ульянову – вот ни одного не стояло. И самого населения – кот наплакал, причём не просто кот, а обезвоженная тушка скупого на эмоции хвостато-усатого животного. И чего сим недоразумением карты марать?

Государство в этом вопросе не заняло сторону рассекреченных затошников. Быть может, сознательно, а, может, у них там по кабинетам современные карты разложили. Посему чиновьи умы и слыхом не слыхивали про обиженный город. Не слыхивали и заодно не вмешивались.

А раз так, решили местные жители, то и мы к вам, неуважаемые все остальные, тоже копчиком повернёмся. Как мы были закрытыми, так теперь ещё закрытее станем! Вот вам забор, вот вам столбы-двойняшки, ещё приплюсуйте сюда дверь и слово «пароль», что требовательно озвучивает незнакомый, должный пугать голос.

Современную власть, как вы понимаете, здешние люди на дух не переносили. Причём любую. Голосовать не ходили

принципиально. Правда, до них и бюллетеневоз не доезжал. Да ну, если бы и доехал, ни один человек этот отросток пропагандистской гидры и на порог бы не пустил. Но симпатизировать же кому-то надо?! Чай не в политическом вакууме живут. Ориентир же ж нужен. Двигаться-то, собственно, куда?

– Да в Европу! – лихо махнул кто-то когда-то.

– Да! В Европу! – подхватили тогда же какие-то остальные.

Эх, в Европу так в Европу. А в Европе у нас что? Какие весомые отличия? Чтоб вот обмазаться ими с ног до головы, и каждый встречный-поперечный моментально в горячем пиетете ниц грохался.

– Ну, во-первых, это свобода! – единогласно осенило жителей.

Да, свобода – это хорошо. Свобода – это точно по-европейски. Только вот здешних, вроде как, никто и не зажимает. Прав у жителей – завались. Хочешь, эти права так ешь, хочешь, на зиму маринуй. Были, конечно, мелкие потуги да вкрадчивые посягательства из центра: когда в местной Управе вежливые звонки не только раздавались, но заодно и интересовались, мол, говорят, вы там у себя забор установили. На что тутошнее вече бесцветным голосом рапортовало:

– Так это не говорят, а наговаривают. Забор, естественно, имеется, но то эстетика, а не эгида. Посему извольте нас не тревожить более подобными инсинуациями.

И главная власть изволила. Звонки прекратились, а селек-тор так и не провели. Посовещавшись сами с собой, жители положили, что пришла пора обидеться окончательно. Мол, вот настолько им там, в зажавшейся нерезиновой на нас плевать. Нет, вы подумайте, даже уговаривать не стали. А раз так, то самое время переходить ко второй части европейской инициации. Что там у нас далее по списку? Чем там в Евро-пах промышляют?

– Говорят у них не по-нашему! – выплеснул в лицо мэру один из присутствующих.

– Не по-нашему, – выдохнул согласие глава города.

Оказалось, не так-то это и легко – европейские ценности на себя натягивать. Это ж что теперь – весь люд переучивать на другой лад? А на какой другой? Их же, этих ладов, будь они не ладны, там столько, что никакой запоминалки не хватит. И чего это вообще они, ну то есть мы, должны переобу-ваться? Нам эти лапти испокон веков ноги жмут. Мы, в кон-це концов, уже к каждой грамматической мозольке привык-ли. Зачем нам от этой великости и могучести отказываться?

– Нет и ещё раз нет! – мэр хлопнул себя по выдающейся грудной клетке пухлой рукой.

– А как же Европа? – пискнул неопознанный с задних ря-дов.

– А мы ей, Европе твоей, привет по-другому передадим! Город наш обозначим на латыни. Латинский же все пони-мают? Ну в Европах-то поймут? Поймут! Поймут и узнают,

что есть, есть такой островок в этом океане монархических скреп, который хоть и омывается недемократическими водами, но сам себе вполне наплаву!

Громкие аплодисменты умаянного деспотично душным помещением электората поставили точку в окончательном превращении города в часть Европы. Правда, в процессе так называемого колдовства вынырнул один вопросик. Небольшой такой, но, зараза, важный: с какой конкретно буковки этого самого иноземного алфавита начинать писание? С этой вот или вот с той? Они ж, буковки эти ненашенские, обе эквивалентны одной нашенской.

Поскольку не все в бывшем ЗАТО и с родным-то языком на ты, пришлось рюкзак с инициативой, смелостью и ответственностью взваливать на себя господину мэру.

– Пиши эс, – безапелляционно заявил глава города. – Да не эту! А ту эс: эс как доллар!

Таким презательевым образом появился на территории бескрайнего, как океан, государства город с именем латинским. И, если его, городок наш, раньше не наносили на карты, то и теперь существенно ничего не изменилось. Хотя как это – ничего? А самосознание граждан? Раньше же ж они только одной ногой были в Европе, а теперь и вторую конечность уверенно подтащили в край равенств и свобод.

– Пароль? – снова спросил страж из-за железной двери, втиснутой в семейные узы столбов-двойняшек. – Вы куда?

Окидываю тебя, мой вынужденный спутник, высокомер-

ным взглядом и, собрав в лёгкие побольше пафоса, бойко
выдаю:

– В город S, S как доллар!

Глава 1.

В городе Эс, эс как доллар, самое красивое утро. Здесь солнце не просто шлёпается на небосвод, аки плевок хулигана-прохожего, тут целая церемония переливов из уверенного пурпура в скромный бордо с венчанием претендующего на синь неба в золотистый слиток. Это вам не замызганный столичными облаками неряшливый выкидыш, что не доживает, как правило, и до полудня. Это настоящее рождение солнца. В общем, смело верьте мне на слово: утро здесь совершенно необыкновенное и необыкновенно совершенно.

Опирающее ажно на три колонны здание Управы сонно щуриться в ответ на пиршество восхода. Слегка скукоживается, потом расправляется и вдохновенно замирает, не в силах отлепить от окон солнечное пришествие. Белая двухэтажка, что часами позже затянет в себя всех самых важных чиновников, с завистью наблюдает на буйством красок. Она словно надеется, что вот именно в этот раз ей таки удастся оторвать себе хоть толику разноцветия.

А то надоел уже, ей-богу, этот бледный официоз. Высокопоставленному строению, может быть, тоже хочется имидж сменить. Вон, заместитель главы Управы по работе с населением Погремушкина Леонелла Кузьминична волосы уже пятый раз перекрашивает. И это только за последнюю неделю! А зам по вопросам здравоохранения Симона Ахилловна

Паркинсон снова, поди, в новых туфлях прибудет. Только в одной паре её обувки оттенков больше, чем во всём здании местного самоуправления. А некогда бежевый двухэтажный дом культуры в день окончательного присоединения к Европе как перекрасили в молочный, как нарекли Управой, так и оставили его фасад в бледном покое.

– Обидно, – шмыгнет форточкой важное здание, прозванное в народе Койкой.

Да-да, по имени той самой реки, от которой мы с вами принялись путешествовать.

– Очень обидно, – подтвердит распахнутая с торца дверь.

Это сторож и по совместительству дворник Искандер Лопаткин направился эффективно поражать окружающие загрязнения. Едва первый лучик мягко поскребётся в окошко подсобки, как без трёх годиков сорокалетний паренёк уж на ногах. Пока солнышко аккуратно отодвигает серую шторку, дабы упасть на закатанный временем палас, Искандер уже доедает омлет из четырёх яиц и одной помидорки. Поправив чёрные с вкраплениями седины усы ровно двумя пальцами: указательным и средним, Лопаткин выдвигается к месту свершений.

Казалось бы, всего лишь ночка прошла, а прилегающий к Койке двор совсем пал в неприличие. Нечёсан, неубран, одним словом – оскверняет важность Управы по самое небалуи. Но Искандер засучит рукава да как открыто нанесёт метлой высокоточный удар по разбросанным фантикам и по-

терьянным окуркам. Вот, совсем другое дело. Теперь тут и главе этой самой Койки пройти не стыдно. О, а вот собственно и он: на кровно-заработанном джипе подруливает к зданию.

Таких машин в городе ровно две: у главы Управы и у главы милиционера. Или в простонародье: у начальника Койки и у главмента. Как вы понимаете, реформу МВД, наградившую милиционеров режущим слух именем «полицейские», жители Эски прогнали, не успела она о себе до конца заявить. Поэтому охранять европейский городок продолжила родная отечественному сердцу милиция. Но не одна, а под управлением генерал-майора Паркинсон-Кубышкина Мстислава Игнатовича. Да-да, мужа той самой модницы от медицины Симоны Ахилловны Паркинсон.

В своё время пышная леди Симона по причине острой непереносимости фамилии Кубышкина недвусмысленно намекала тогдашнему просто майору о том, что при заключении брака хорошо бы молодой семье зваться Паркинсонами. Эту фамилию, в конце концов, ещё её прадед носил – заслуженный акушер советского союза. На вялые претензии Мстислава, что и его прадед носил фамилию, правда, не Паркинсон, а Кубышкин, Симона предупреждающе склоняла голову к правому плечу. Влюблённому по самые погоны офицеру ничего не оставалось, как смириться. Но только на половину! Дабы на своей службе, что опасна и трудна, окончательно не прослыть подкаблучником. А уж страсть зама по

медицине к разноцветным туфлям на шпильках-небоскрёбах давала коллегам Мстислава Игнатовича ой какие соблазнительные поводы для шуток. Сюда же приплюсуйте разницу в росте и весе на тридцать сантиметров-килограммов в пользу мадам Паркинсон. Чувствуете, какая большая любовь у главного милиционера?

– Доброе утречко, Ися, – вывалилось из окна джипа под ноги закончившему мести дворнику. – Смотри, как я могу! – радостно и одновременно колеблясь оповестил своего единственного зрителя глава Койки, приступая к маневрированию меж каменных клумб.

Искандер безучастно наблюдал за низкоскоростным передвижением высокого начальства. А чего переживать? Клумба чай не из стекла – устоит, а за автомобиль пусть сам начинающий водитель тревожится.

– Чайник заварочный! – как снисходительно ласково поминал своего давнего товарища товарищ главмент Паркинсон-Кубышкин.

Между прочим Мстислав Игнатович вызвался собственной головой отвечать за обучение городского главы водительским навыкам. Посему начальник Койки сдавал на права честно и самолично. Вам, наверное, этот способ незнаком, но вот в Эске подобная метода сохранилась как единственно возможная. Будь ты хоть мэром, хоть его женой – изволь таки усадить свою великосветскую персону за руль автомобиля с механической коробкой передач.

– Ися! Смотри! – глава Управы с ребяческим восторгом тянул внимание из дворника Лопаткина. – Ой!

Левая фара начальственного джипа, не выдержав столь тесного контакта с вазоном, ничего лучше не придумала, как треснуть. Начинаящий водитель, пытаясь исправить ситуацию, как это часто бывает, своё положение только усугубил. Фара, склонённая к ещё более интимной встрече с клумбой, огорчённо осыпалась на ранее выметенную до последней грязной молекулы дорожку.

– Вы в порядке? – равнодушно осведомился Искандер, приблизившись к умолкшему джипу.

– Да, – неохотно отозвался автолюбитель. – Только Кубышкину ничего не говори! И, это, отгони его, – он погладил пострадавшего по кожаному рулю, – Куда подальше, чтоб жена не увидела.

Дверь внедорожника открылась, и на усеянную пластмассками тропу прыгнул полноватый мужчина сорока пяти лет от роду. Знакомьтесь, Погремушкин Эразм Эразмович – глава Управы города Эс, честно избранный мэр, образцовый супруг зама по работе с населением Леонеллы Кузьминичны и по совместительству закадычный приятель главмента Мстислава Паркинсон-Кубышкина.

Завидев жёлтую иномарку, что, подобно сытому лебедю, величаво втюхивала свою блестящую тушку на территорию, пытавшийся храбриться перед подчинённым Эразм вжал голову в плечи и с неожиданной для его мэрской комплек-

ции скоростью устремился в Койку. Лопаткин устало закатил глаза. Закрыв дверь травмированного джипа, Ися ничтоже сумняшеся принялся подметать то, что когда-то было фарой.

Из припаркованного в противоположном углу канареечного авто показалась голубая туфля. Потом вторая. Минутой позже окружающее пространство украсила целая Симона Паркинсон. Совершенно ничего не замечая вокруг, зам по медицине неспешно приводила в порядок алую юбку. У шёлковой одежды во время езды словно затекли мышцы, и теперь ткань, покрывшись судорогами, никак не хотела распрямляться.

Взглянув на себя в блестящий бок иномарки, Симона пришла к выводу, что она и так хороша. Надо признать, к данной словесной конструкции Паркинсон приходила ежедневно, но сей факт совсем не означал, что мысленный путь проделан зря. Тут, собственно, ради этого, так сказать, и шли.

– Не горбись! – на глаза заму по медицине случайно попался выпадающий из общей картины прекрасного дворник тире сторож.

Лопаткин, опершись подбородком о черенок метлы, засмотрелся на пестрящую солнечными бликами кучку пластмассовых осколков. Услышав требовательный совет Симоны, Искандер неторопливо выпрямился и ещё с меньшим энтузиазмом пожелал плывущей к зданию Управы даме здравствовать.

Сёме, как называла Паркинсон супруга мэра, перечить

было абсолютно невозможно. Это вам и главмент Мстислав Игнатович подтвердит. А вот сама Леонелла Погремушкина это дело бесконечно обожала, что, откровенно говоря, носило взаимный характер. Ни один день не имел шанса пройти вне препирательств Сёмы и Лёни.

Симона Ахилловна же в долгу оставаться не любила, именно поэтому не справившийся с управлением глава Управы поспешил ретироваться, едва колёса жёлтой иномарки Паркинсон коснулись периметра Койки. Ведь, если уж у тебя не получается примирить свою жену с женой друга, то в таком случае, будь добр, не давать повод последней для излишних насмешек над первой.

А вот, кстати, она – та самая первая: первая и единственная красавица Управы, по искреннему убеждению самой Погремушкиной. Стройная, аки метла Искандера, Леонелла бодро чеканила асфальт не менее стройными каблуками. В отличие от мужа сдать на права у неё так и не получилось. Что, вне сомнений, было целиком и полностью на остатках совести Сёмы. Завидев ненавистное авто цвета мерзкого желтка, Погремушкина впиалась когтями в ладони. Однако, как и в прошлые разы, поцарапать имущество Паркинсон она так и не решилась.

Лопаткин проводил апатичным взглядом сосредоточенную на своей обворожительной персоне Леонеллу Кузьминичну и резким движением смёл бывшую фару на совок. Прилипшие к осколкам солнечные лучи разом потухли в

недрах жестяной урны. Прислонив метлу к пестрящей астрами клумбе, Искандер направился к спящему джипу. Пора уже сей уличающий мэра в криворукости элемент отогнать куда подальше. Как говорится, долой с глаз любопытных чиновников и вон с языка ехидной Паркинсон. Да и время сейчас такое: ещё минут двадцать, и набежавшая толпа страждущих поработать на благо города Эс разорвёт умиротворяющую тишину на утомительные лоскуты.

Глава 2.

– И слышать ничего об этом не хочу! – в коридоре показалась фигура Симоны Ахилловны. – Я сказала «нет»! – Паркинсон хлопнула едва не разлетевшейся на щепки дверь. – И это моё окончательное «нет», – миролюбиво бросила она в лица замершим коллегам.

– Да почему нет? – раздалось в кабинете зама главы Управы по работе с населением. – Почему она всегда говорит «нет»?

Отсутствие Бог бы с ним вразумительного ответа – любого мало-мальски ощутимого звука не оставило Погремушкиной иного выбора. Уязвлённая тишиной по самые кончики свежеекрашенных волос Леонелла Кузьминична выбежала из кабинета.

– Почему нет? – выпорхнув в коридор, Лёня едва не врезалась в величественную спину Паркинсон, – Симона! Ахилловна, – добавила она, заметив свидетелей.

Несмотря на то, что присутствующие откровенно раздражали зама по населению, те и не думали расходиться. Объятые любопытством и немотой, мелкие сошки упорно продолжали быть здесь.

Зам по медицине, зажав маленькую сумочку между рукой и телом, любовалась на значительную себя в крохотное зеркальце пудреницы. Погремушкина, осознав, что только чу-

дом не угодила промеж лопаток залятай подруги, испуганно уставилась в потолок, сложив руки на неожиданном для своей хилой комплекции бюсте. Мысленно выражая благодарность всем высшим силам, что уберегли её от этой незавидной участи, Леонелла помимо воли принялась часто моргать, барабаня маникюром по декольте.

– А, это ты? – обернулась Паркинсон, щёлкая замком сумочки. – А я стою и думаю, откуда чесноком повеяло?! Показалось, что....

– Показалось! – облизнувшись, прошипела зам по населению.

– Нет, ну, правда, – Симона хохотнула и окинула самодовольным взглядом внимающую толпу. – Я уж подумала в буфет бежать – узнавать, к какому часу прибудет делегация вампиров.

Реакция благодарного зрителя не заставила себя долго ждать: лица узкого чиновничества моментально расплылись в широких улыбках, а из особо смелых даже посыпались сдавленные смешки.

– Ну, – Леонелла судорожно дёрнула правым плечом, – Я бы на твоём месте так часто в буфет не бегала, – она прикрыла ладонью выпирающую ключицу. – Нет необходимости, – быстро добавила Погремушкина, ощутив на себе тяжёлый во всех смыслах взор коллеги. – Можно же кого-нибудь послать....

– Да, – внушительно протянула Паркинсон, – Можно же

кого-нибудь.... Послать!

Собравшиеся затаили дыхание. Некоторые и вовсе норовили обойтись без воздуха, лишь бы ни коим образом не помешать любимому зрелищу впадать в вечность.

И хоть стычки зама по медицине с замом по населению носили ежедневный характер, прелесть сих взаимоотношений не то, что не угасала, а совсем наоборот. Как хорошее вино, знаете? Что с каждым годом становится всё лучше и насыщеннее. Так и вербальная перепалка этих двух, безусловно, леди с каждым разом приобретала новый, ранее не познанный вкус.

Всё в лучших традициях заграничных сериалов, когда транслирующий бесконечное кино экран становится дороже скучной родни. Понимаете? Рядовые чинуши совершенно не имели возможности оторваться от словесных перипетий Сёмы и Лёни. Даже под угрозой увольнения. Это вам не какие-то там наркотики: тут желание бросить не возникнет.

– Симона, – выдохнула Погремушкина, очевидно прося и вряд ли требуя, – Объясни нам, пожалуйста, почему «нет»?

– Кому это «вам»? – Паркинсон прищурилась на один глаз, другим вытолкнула нарисованную бровь подальше от века.

– Нам? – Леонелла только сейчас заметила, что её супруг предпочёл остаться в кабинете. – Нам! – она развела руками, пытаясь задействовать дрожащую от восторга публику.

– Ах, вам! Вам с удовольствием! – Симона улыбнулась во

весь коридор. – Уважаемые коллеги, – обратилась зам по медицине к многочисленным свидетелям.

Нет, ну какое везение! Присутствующие не решались до конца поверить в происходящее. Их любимая королева снизошла до них, безликих пешек. Та, на чью сторону они всякий раз тулили свои симпатии, сегодня позволяет им потеряться у самой сцены.

Очень любил народ Сёму Паркинсон – очень давно и очень безудержно. Что ни говори, а зам по медицине прям вот создана для людских почитаний. Не то, что эта Погрешкина! Высокомерная, красивая, худая, ещё и жена мэра. Лёнька, вне всяких сомнений, герой отрицательный. За неё никакой порядочный человек переживать не станет. Она же какая-то ненародная. Именно поэтому ей противостоит её полная почти противоположность.

Почему «почти»? Всё ж таки в красоте Паркинсон отказать сложно. Как и поверить в то, что дамская размолвка уходит корнями в почву банальной ревности. Мол, когда-то давно, когда город Эс ещё не был европейским, девочка Сима положила свой большой глаз на пухлого мальчика Эрю. Положила так основательно, что даже не замечала оставшимся окуляром ухаживания коротышки Славика-Мстиславика. И пролежал тот глаз вплоть до студенческих времён, пока его хладнокровно не смахнула костлявая рука воображалы Лёньки.

– И вы только представьте, друзья, – Паркинсон исходи-

лась театральным гневом, – Что нам предлагает наш зам по работе с населением!

– Но это сейчас очень модно! – брызгала возмущением Погремушкина. – Как ты не понимаешь?! Это же тренд!

– Хрененд! – гаркнула Симона. – Сегодня мы, по твоей трендово-бредовой задумке станем себя холодной водой обливать, а завтра что? Все как один сляжем с воспалением лёгких?

Толпа неодобрительно поёжилась.

– Зато это модно и молодёжно! – удовлетворившись реакцией коллег, подытожила Сёма. – Как там твоя хрень называется?

– Айсбакетчеллендж, – уже тише произнесла Леонелла, сжимая в кулачках подбитую решимость. – Испытание ведром ледяной воды. И это, между прочим, благотворительная акция!

– Благотворительная для кого? Для фармацевтов? – Симона снисходительно общипывала со своих речей лишнюю сердитость. – Кому-нибудь ещё объяснить, почему я не даю своего согласия на проведение этой чуши?

Собравшиеся подобострастно замотали головой из стороны в сторону.

– То есть всем понятно, почему «нет»? – Паркинсон сделала контрольный выстрел.

Присутствующие яростно закивали. Некоторые норовили заплодировать, да вот потные от напряжения ладошки не

позволили.

– А раз всем, – зам по медицине прищпорила последнее слово к сознанию Погремушкиной, – Всё понятно, я, с вашего разрешения, – она слегка поклонилась коллегам, – Пойду работать.

Восторженные глаза воздыхателей, сколько могли, проводжали шествующую на голубых туфлях победительницу.

Стиснутые зубы зама по населению, как могли, сдерживали клокочущий в горле мат. Отвернувшись от мелкого чиновничества, Леонелла откинула со лба иссушенную краской прядь и вцепилась в ручку двери.

– Открой! – злобно крикнула она тому, кто остался в кабинете. – Я кому сказала, открой! Немед. . . .

Ключ еле слышно хрюкнул в замке. Ручка рухнула до упора, Погремушкина неистово дёрнула на себя дверь и под молчаливое осуждение растворилась в недрах кабинета.

О чём именно супруга на повышенных тонах решила поведать своей второй половинке, зрители так и не узнали. Во-первых, работники Управы слишком воспитаны, чтобы снизойти до подслушивания. А, во-вторых, сие моральное падение весьма чревато. Одной Леонелле Кузьминичне известно, в какой именно момент она соизволит выбежать в коридор, оставив мэра наедине с её непроизнесёнными вслух обвинениями в трусости. Посему хочешь не хочешь, а надобно лететь к своим унылым гнёздам, легитимно свитым на ветках бюрократического аппарата.

Глава 3.

Вечер плашмя обвалился на город. Река Койка исчезла из вида, попав под беспощадный каток мрака. Здание Койки отчаянно бравировало внутренней пустотой, распространяющейся и на прилегающую территорию. Даже что-то постоянно подметающий Искандер не маячил под уличными софитами. Город Эс, эс как доллар, лениво потягивался, стряхивая с ноги уставший за день носок. Все готовились добровольно отдаться сну, и только где-то в центре слышался стук пары каблучков.

Вот они побежали по улице Соционики. Вот уже свернули на переулок Инновационных Технологий. Оп, проскользнули мимо тупика Честных выборов и направились вдоль Мнемонического проспекта.

Известная актриса Тата Татович спешила домой: во-первых, очень хотелось есть. Последний раз девушка только завтракала, поэтому и, во-вторых, очень хотелось есть, чтобы, так сказать, нагнать всё упущенное.

Не то что бы в театре Всемирной драмы имени Гамлета Гамлетовича Датского плохо кормили. Дело совсем не в этом, просто, понимаете, Тата действительно была известной актрисой. Прославившись в братской Европе, она вернулась домой в качестве приглашённой звезды. Не за горами спектакль, поставленный для, под и вокруг Татович. Ну раз-

ве можно с таким грузом славы на плечах уминать вместе со всеми какие-нибудь там пирожки с капустой? Позволительно ли знаменитости эдакого масштаба на глазах у массовки впиваться белыми как жемчуг зубами в котлету из щуки? Вы сами всё понимаете!

Тата, чтобы хоть как-то заглушить негодования желудка, повторяла про себя текст своей героини. Каблучки резво отстукивали асфальтированные футы, подгоняя отстающую тень. Запутавшись в интонациях, Татович свернула в проулок Гелотологии и, зажмурившись, встала. Нет, слова режиссёра никак не хотели идти на голодный ум. Ладно, нюансам суждено уточняться завтра, а сегодня...

– Что за ерунда? – изумилась Тата хрипящему фонарю.

Уличное светило поморгало несколько секунд и утащило свет в небытие.

– Провинция – такая провинция, – актриса покачала головой и, улыбнувшись своим мыслям, продолжила дорогу к домашнему холодильнику.

Там её ждут голубцы. В сметане! И заливное из телячьего языка.... Ах, как она там говорила? «Что за ерунда?»! Да, вот точно сим тоном она завтра выдаст эту реплику.

– Да что ты понимаешь в этой жизни?! – упрекнула Татович партнёра по сцене. – Что... что... Как там дальше?

Хрупкое плечо сжала крепкая ладонь.

– Что за ерунда? – выдала актриса, невольно обернувшись.

Вспышка. Яркий-яркий свет сожрал действительность. Возмущение сторело дотла, застыло на губах крошками пепла. Бетонная стена вжалась в спину. Крепкая ладонь, отпустив хрупкое плечо, сжала лицо. Будто лист бумаги вымарали ненужными мыслями и теперь комкают, чтобы выбросить. Локоть давил на грудь. Подол платья уползал наверх. Невыносимый свет поглощал всё, оставляя на сдачу дыхание. Горячее животное дыхание.

Воспалённые чувства накрыло плотной анестезирующей коркой. Мозг ещё силился что-то объяснить. Бесполезные попытки, словно тебе удалось трясущимися руками ухватить падающий стакан, но он всё равно выскользнул, обвалился осколками. Он был таким прочным, таким надёжным. Разве это было? Разве он когда-то был? Теперь это острые бесполезные куски, и ты сметаешь на совок знакомые части, чтобы выкинуть как чужое целое. Момент расплзся на вечность. Его больше не собрать. Что сейчас? Где сейчас? Будет что-то после? Или это тупик? Конец? Чтобы выжить, надо идти назад. Бежать? Убежать.

Мозг судорожно жонглировал прошлым. Это маленькая Тата крутит педали трёхколёсного велосипеда. Длинная-длинная улица всё быстрее и быстрее спускается вниз. Откуда ни возмись огромный КАМАЗ. Вспышка....

Победительница танцевальных соревнований Татович встаёт на самую высокую ступеньку, вымазанную чёрной цифрой один. Кто-то занимает соседние места. Совсем не

важно, кто это. Важно, что все смотрят только на неё.

– Внимание! – деловито машет рукой фотограф.

Вспышка....

Актриса Тата Татович посреди бескрайней сцены говорит финальную речь. Точка. На секунду воцаряется тишина....

И тут же падает на дно нескончаемых аплодисментов.

– Bravo! – дышит публика.

– Бис! – горячо, очень горячо дышит публика.

Вспышка.... Вскрики.... Софиты гаснут. Гаснут, утаскивая с собой жизнь. Сознание как прозрачная капельница обратного действия.

Крепкая ладонь снова опустилась на хрупкое плечо. Горячее дыхание стало нестерпимо близким. Теперь оно не обжигало снаружи. Оно выжигало всё внутри.

Света больше не было. Больше не было ничего. Ничего, кроме тьмы. Веки закрывались и открывались. Сами по себе. Крепкая ладонь больно сжала хрупкое плечо. Будто на прощание. Очень хотелось верить, что это прощание. Горячее дыхание слабело. Платье упало вниз. Раскалённым шёлком. Капкан комы благородно разжал чувства. Крепкая ладонь оттолкнулось от хрупкого плеча. Животное дыхание растворилось в уличной тиши.

Спина соскользнула вниз по бетонной стене. Дрожащие руки пытались обнять ледяные колени. Тело не собиралось. Мысли не собирались. Осколки не клеились в целое. Когда-то целое. Оно теперь разбито напрочь на ненадёжное по-

сле.

- Что за ерунда? – слетело в темноту с оживших губ.
- Что за ерунда? – осталось слепком в мёртвом взгляде.

Глава 4.

– Что за ерунда?! – орал на весь свой кабинет главмент Паркинсон-Кубышкин. – Ты вообще понимаешь, что ты говоришь?

– Понимаю, Мстислав Игнатович, – чеканил светловолосый молодой человек в форме.

– Какое на хрен изнасилование? – содрогался в гневе генерал-майор.

– Такое вот изнасилование, – сохранял спокойствие капитан. – Самое настоящее.

– Нет, ну ты только посмотри на него! – развёл руками начальник. – «Самое настоящее» он мне говорит!

– Спокойно, граждане избиратели, – еле слышно произнёс глава города. – Я всё исправлю, – на этой фразе Эразм Эразмович ещё сильнее надавил пухлыми пальцами себе на виски.

– Мстислав Игнатович....

– Слышать тебя не хочу, Трещёткин! – вскинулся желавший было присесть Паркинсон-Кубышкин.

– Да Витя-то тут причём? – выдавил искреннее сочувствие мэра.

– А притом, притом! – заголосил Мстислав, хлопая кулачком по столу. – Это он, он это заявление принял! – главмент страдальчески потёр ударенную ладошку. – Теперь все,

все узнают, что в нашем городе такой срам имел место быть! И никому ведь не докажешь, что это капитану Трещёткину просто приснилось. Ух! – поджав губы, он погрозил кулачком подчинённому.

– Да ну как так – приснилось? – изумился обруганный Виктор.

– Вот так и приснилось! – снова вскочил с кресла Паркинсон-Кубышкин. – Ну, сам посуди, – выдохся начальник, – Ну откуда у нас взяться носильщику?

– Насильнику, вы хотели сказать....

– Я хотел сказать, что ты бестолочь! – вспыхнул Мстислав Игнатович. – Бестолочь и тупица! И лейтенант ещё!

– Но..., – насупился капитан Трещёткин.

– Младший! – предупреждая вскинул бровь Паркинсон-Кубышкин. – А, если не заткнёшься, и до сержанта дойдём.

– Понял, – пробубнил обиженный милиционер. – Но она так плакала..., – добавил он после небольшой паузы.

– Ты опять? – вскинулся главмент.

– Плакала? – просиял лицом главмэр.

– Плакала, – склонил голову Витюша.

– Вот оно! – ещё пуще обрадовался Погремушкин. – Ну, конечно!

– Эря, и ты туда же, – выдохнул бессилие генерал-майор, окончательно и бесповоротно сажая себя в кресло.

– Да ты только послушай! – Эразм подскочил к кручинив-

шемуся приятелю. – Эта... потерпевшая, она у нас кто?

– Тарататович, – с сомнением в голосе отвечивал Витюша.

– Как Тарататович? – ахнул Мстислав Игнатович. – Вчера Татович же была? Что, ещё одну это самое, того самогО?

– Да не, – отмахнулся Трещёткин. – Это ж псевдоним её. Ну знаменитость, сами понимаете.

– Знаменитость! – весело подхватил глава Койки. – А конкретнее? – принялся он участливо вращать рукой.

– Конкретнее – Татьяна Евгеньевна, – молодой человек кивал в такт мэрской конечности, – Тридцати пяти лет от роду.

– Тьфу ты! – в сердцах бросил Погремушкин. – Актриса она! Актриса, ясно тебе, Витюша?!

– Всё верно, актриса, – подтвердил капитан. – Приехала играть главную роль в спектакле....

– Ну? – воодушевлённо перебил мэр. – Ну?! – обратился он к ещё в меньшей степени что-то понимающему приятелю. – Ну!!

– И её изнасиловали! – просиял Паркинсон-Кубышкин.

Погремушкин с надеждой повернулся к Витюше. Глаза капитана на весь периметр сияли абсолютной солидарностью с главментом. Эразм Эразмович шумно выдохнул беспомощность себе под ноги и опустился на стул.

– Не было никакого изнасилования, – бесцветным голосом обозначил мэр. – Эта актриса, актриса! Понимаете?

Просто всё придумала! Отыграла, если хотите.

– Зачем? – единогласно спросили стражи закона.

– Этого я не знаю, – отмахнулся глава. – Может, пиара захотелось. Может, натура у этих творческих такая.

– Какая? – товарищи при званиях продолжили изъясняться в унисон.

– Ну такая! – твёрдо пояснил Погремушкин. – Страданий просит.

– Ааа, – недоверчиво протянули правоохранители.

– Внимания она хочет! – продолжил гнуть свою линию Эразм. – К себе. К спектаклю. К... не знаю, чему, кому. Чтобы писали о ней. Говорили....

– О ней, – подмигнул с понимаем дела Паркинсон-Кубышкин. – Ну точно же! Голова! – он с гордостью кивнул Трещёткину на приятеля.

– Думаете? – Витя не торопился расставаться со скептицизмом.

– Думаю! – значительно подчеркнул Мстислав. – В отличие от тебя, дурака, я вот думаю. И мэр наш, – главмент потрепал Погремушкина за плечо, – Тоже думает.

– Ну хорошо, – сдался Трещёткин. – А как же заявление? Я же обязан принять меры.

– Вот и принимай свои меры, – благодушно разрешил Эразм Эразмович. – А мадаму эту завтра сюда пригласи. Мы с Мстиславиком её тут мигом, это самое....

– Расколом! – брызгая радостью, подсказал Паркин-

сон-Кубышкин.

– Будет сделано! – Витюша послушно шаркнул ножкой и направился прочь из кабинета.

А, может, и прав глава Койки? Артистки эти – народ взбалмошный. Их хлебом не корми, дай роль сыграть. Но она так плакала....

\$

– Девушка, что у вас? – без интереса спросил Витя у ночной посетительницы.

– У меня..., – она сжала губы и дёрнула хрупким плечом.

– Да, у вас, – Трещёткин, естественно, сражался из последних сил, но преимущество было определённно на стороне зевоты.

– У меня, – выдохнула посетительница и присела на самый краешек стула.

– Ерунда какая-нибудь, – промелькнуло в голове капитана. – Поди, с мужем поссорилась или очередную сумочку потеряла. Пьяная же!

Милиционер нехотя поднялся, обошёл стол и, приблизившись к ночной гостье, втянул воздух. Девушка молча смотрела перед собой.

– Нет, вроде, алкоголем не пахнет, – Витя задумчиво почесал белокрысыый затылок.

Посетительница закрыла лицо руками и замерла.

– Скорую? – вдруг испугался Трещёткин. – Может, вам вызвать....

Выпрямившись, гостя сложила руки на коленях, потом посмотрела на своё правое плечо.

– Лицо у вас знакомое, – наклонился к девушке Витюша. – Мы раньше....

Она уставилась на стол. С минуту лицезрела поцарапанную особо важными делами поверхность. Закусив губу, опять вздохнула и потянулась к пачке чистой бумаги.

Некоторое время ручка бесследно кружила над поверхностью, но, едва чернила вывели первую букву, как за ней тут же появились слова. Предложения. Абзацы. Незнакомку было не остановить. Она беспощадно расправлялась с белизной листов, а из её внимающих глаз падали огромные слёзы.

Витя раньше никогда не видел таких слёз. Нет, девушки, конечно, при нём плакали. Всякое бывало. Но как-то не так. Не примечал он тогда, чтоб каждая слезинка была похожа на боль. словно это и не человек плачет....

Капитан на уставе поклясться мог хоть перед атеистом, хоть пред материалистом, что тогда, век ему майорского звания не видать, это не девушка за его столом рыдала. Это её искромсанная душа. Большими каплями. Вытекала. Из больших глаз. Понимаете?

Ну как нет?! Да вы попробуйте в сосуд с водой камней накидать. Что получится? Правильно: с каждым камешком в сосуде воды будет всё меньше и меньше. Трещёткин, ко-

нечно, совсем не Архимед, а, честно говоря, просто Витюша, но даже ему в тот момент было совершенно прозрачно, что тяжкий груз страданий вытесняет прежнюю лёгкость. Теперь поняли? А Витя это воочию видел! Видел и боялся, что больше не сможет забыть. Никогда. Никогда не забыть, как переживания камнем падают внутрь, не оставляя места для израненной сим падением души.

– Не может так человек врать! – мысленно решил Трещёткин. – Пусть этот человек – актриса, всё равно не может. Ай! Смотри, куда метёшь! – рявкнул капитан на занимающегося своим обычным делом Лопаткина. – Вон, все штаны изгваздал!

Искандер равнодушно пожал плечами вслед отряхивающему брюки правоохранителю. Мол, мусор он и есть мусор. В смысле, подумаешь пыль чуть-чуть попала. Это же одежда, а не репутация. Смахнул и дальше пошёл, чего возмущаться?! А, если уж на то пошло, то это вообще он, дворник тире сторож, возмущаться должен. Рань раньская, утро утреннее, времечко едва-едва к пяти часам подползает, а эти вон, особо важные, ужо вовсю по Управе разговорами сорят. И чего такого срочного посередь сна приключиться могло?

– Ерунда какая-нибудь, – вжихнула метла по щербатому асфальту.

Глава 5.

– Здравствуйте. Проходите. Присаживайтесь, – Эразм Эразмович рассыпался в приглашениях.

– Спасибо, – печально ответило бесцветное лицо.

– Татьяна... Как вас по батюшке? – участливо осведомился мэр.

– Евгеньевна, – хмуро заметил Мстислав Игнатович, расправляя и без того гладкий лист «срамного» заявления.

– Татьяна Евгеньевна....

– Не надо, – вяло отмахнулась девушка, – Просто Тата. Мне так привычнее.

– Привычнее, – буркнул себе в усы Паркинсон-Кубышкин, не оставляя исписанной бумаге ни одного шанса на маломальскую смятину.

– Товарищ генерал. Майор! – глава Управы злобно зыркнул на приятеля.

– Да, товарищ мэр, – как ни в чём не бывало отозвался искомый.

– Витюша. В смысле Виктор. Капитан, это самое, принесите нам кофейку.

– А где ж я его возьму? – растерялся Трещёткин.

Ему хоть и не впервой бывать в кабинете начальника Койки, но как-то вот, знаете, кофеи носить ещё не доводилось. Обычно сим процессом заведовал секретарь-референт Неча-

ев. Однако сегодня, как собственно и днём ранее, немолодой человек отпросился в поликлинику. Хобби такое у дяденьки: собирать то, что колет, чешется да дышать не даёт, и хватать сим богатством пред индифферентными докторами.

– Нет, не надо. Спасибо, – вздохнула актриса Татович, в миру Тарататович. – Что вы хотели узнать? Спрашивайте. Я готова.

– Да ну скажете тоже – «узнать»! – опешил от последующего девичьего вздоха Погремушкин. – Мы здесь это, не для того, чтобы «узнавать». Мы здесь это, – он бросил беспомощный взгляд на загривок недовольно сопящего генерал-майора. – Это....

– Посочувствовать, – пришёл на выручку суровый главмент.

– Мстислав! Игнатович!!

Безмолвие небрежно растеклось по кабинету. Его вальяжные брызги умирляли саднившую справедливость, но вместе с тем крайне неприятно покалывали бочок совести.

– Эразм Эразмович, – Витюша склонился к ушной раковине мэра. – Надо бы женщин позвать.

– Каких ещё женщин? – зашипел на подчинённого Паркинсон-Кубышкин. – А коньяку с лимочиком тебе не принести?

– Да обычных женщин! Ваших, например! – ещё скорее зашушукал Трещёткин. – Ну им, – он кивнул на застывшую актрису, – Меж собой проще договориться будет.

– Молодец! – одобрительно прошептал Погремушкин. – Поди за Леонеллой Кузьминичной. Скажи, я зову.

– А чего это не за Симоной Ахилловной? – вполголоса вскинулся главмент. – Она как никак врач, если вы помните.

– Иди, Витюша, – сдался мэр, – И зови, кого хочешь. Вот, кто первый тебе на глаза попадётся, того и зови.

– Но лишнего не болтай! – назидательно уточнил Мстислав Игнатович.

– Да и так все в курсе, – не скрывал досады Погремушкин. – Одна надежда, – произнёс он, еле шевеля губами, – Что это всё....

Эразм жестами изобразил слово «пшик». По крайней мере, именно так расшифровал для себя Паркинсон-Кубышкин скольжение мэрских пальцев по воздуху.

Не успел исполнительный Витюша и десяти шагов от кабинета сделать, как пред взором капитанским предстала искомая пара. Замы главы Сёма и Лёня, на удивление, мирно перешептывались у окна. Или это они в пылу препирательства растеряли былую громкость? А можно ли вообще ссориться, держась под ручку? Вообще-то не похоже, что Симона Ахилловна подхватила Леонеллу Кузьминичну, дабы так вышвырнуть её из окна. Или похоже?

– Добрый день! – терзаемый подозрениями Трещёткин пока не решил, к кому из дам сначала обратиться.

– Ну что там? – замы хором выпалили нетерпение в молодецкое лицо.

– Там помощь ваша требуется, – многозначительно оповестил Витюша.

– Да что ж ты раньше не сказал?! – не выдержала Паркинсон.

– Да, чего не сказал? Ты?! – подхватила Погремушкина.

Проследив за взглядом милиционера, она к своему ужасу обнаружила, что Сёма уже наострила вишнёвые каблукки в сторону мэрского кабинета. Леонелла, едва ли не до треска вылупив глаза, принялась алчно хватать ртом воздух. Видимо, желала досыта накормить мозг, дабы он не поленился по достоинству оценить масштаб коварства Паркинсон. Неизвестно, сколь далеко зашёл процесс в голове Погремушкиной, но то, что спустя минуту и её след простыл – отрицать бессмысленно. Капитан Трещёткин, собрав недоумение в кулак, оробело двинулся за пронзающими пустоту коридора дамами.

– Я первая! – победоносно выкрикнула в кабинет мужа зам по населению.

– Здравствуйте! – Паркинсон нежно оттолкнула спринтершу и царственно всплыла в главные чертоги. – Меня зовут Симона Ахилловна, – обратилась она к скукожившейся на стуле актрисе. – Можно просто Симона. А как вас зовут?

– Тата, – девушка вздрогнула, ощутив на своём хрупком плече тёплую ладонь просто Симоны.

– А я вас узнала, – улыбнулась зам по медицине. – Я, между прочим, ваша большая поклонница.

– Большая, – сквозь зубы проскрипела Погремушкина. – И я большая! – тут же добавила она, поймав на себе весьма строгий взгляд четы Паркинсон.

– Мне приятно. Спасибо, – Татович будто вспомнила о своей творческой натуре и даже попыталась растянуть губы в улыбке.

– Ну что вы, – Симона резким движением вырвала стул из-под главы Койки и села рядом с актрисой, – Это нам, нам, – она обвела присутствующих дородной рукой, – Очень приятно познакомиться с вами. Я, кстати, по образованию врач. Так что, если вам вдруг понадобится какая-то помощь....

По бескровной щеке Таты побежала огромная слеза. Потом другая. Капли были такими прозрачными, что молчавшему в углу Вите чудилось его собственное отражение в них. Капитан зажмурился.

– Зайчик. Малышка. Лапочка, – обострённый слух Трещёткина поглаживала трель Лёни.

Будто лёгкий приз ласкает подступ скалы.

– Дружочек мой. Бедняжечка моя. Золотце моё, – в барабанную перепонку капитана врезался глас Сёмы.

Словно пуховое одеяло укутывает по самые гланды.

– Я так испугалась. Я ничего не могла. Я..., – вонзался в большое сердце Вити голос Татович.

Точно внутрь тебя засунули зонтик, который оп, и раскрылся. И теперь в твою мягкую изнанку впиваются металлические спицы. Или ты проглотил линейку, а то вовсе и не

линейка была, а чертёжный пантограф. А, может....

Пока Витюша цеплялся погонями за художественные образы, Тата под проворный стрекот Погремушкиной и тягучие увещевания Паркинсон роняла громоздкие слёзы на свои субтильные ладони. Эразм Эразмович молча сверлил глазами-бусинами выложенный ёлочкой паркет. Мстислав Игнатович то и дело втягивал голову в плечи и мрачно дёргал верхней губой, как будто хотел перекинуть чёрные усы себе на карие очи, дабы навсегда скрыть из виду всё происходящее.

Глава 6.

– Таточка, не переживай! – настаивала Паркинсон под одобрительные взгляды присутствующих. – Всё будет хорошо! – предписывала она, помогая актрисе преодолеть завершающую ступеньку управского крыльца.

– Спасибо вам, Симона. И вам! – Татович обернулась к провожатым. – Вам всем большое спасибо!

Не успели бледные ладони актрисы в знак искренности сказанного коснуться груди, как из припаркованной напротив газели выскочила незванная тройка. И если бы лошадей!

Едва вишнёвый каблук Паркинсон нашёл устойчивое положение, как слева от Татович возник неприятный, по свидетельствам самой зама по медицине, тип с утопленным в растянутом свитере фотоаппаратом.

Чуть только Леонелла выудила локон высушенных цветочными экспериментами волос из узорчатой серёжки, как некрасивая, по уверениям зама по населению, девица принялась тыкать своим микрофоном всем подряд.

Пока капитан Витюша собирал сантименты под покров мужественности, какой-то бородатый, по единогласному мнению, человек расположил свою огромную камеру аккурат напротив Таты, что так и не успела сложить свои бледные ладони на груди.

– В эфире «Эс Ньюс»! – загнусавила «некрасавица»

в микрофон. – Мы ведём наипрямейший репортаж из самого центра событий. Рядом со мной стоит известная актриса, гордость нашего города – Тата Татович. Здравствуйте, Тата!

– Здравствуйте, – преодолевая себя, она улыбнулась, искренне сиюсь соответствовать всему вышесказанному.

– Тата, расскажите о вашей главной роли!

– О, – обрадовалась актриса, – Это невероятно талантливая постановка....

– Нет-нет, – перебила корреспондент. – Я не имела в виду театр. Вчера, когда всё пошло не по сценарию, – журналистика, пристально глядя в камеру, принялась нагнетать обстановку. – В тот злосчастный вечер знаменитая актриса возвращалась домой в гордом одиночестве. Ничего не предвещало беды....

– Да отдайте уже! – Татович бесцеремонно вырвала микрофон у норовившей раствориться в собственных интонациях «некрасавицы». – Дорогие зрители, – она медленно наполнила лёгкие кислородом. – Девушки! Дорогие девушки! Это интервью я посвящаю вам. Вчера я подвергалась....

– Ну, о чём я собственно и говорил, – Паркинсон-Кубышкин недовольно покачал головой. – Гля, как расцвела перед камерой!

– Это вообще-то я об этом говорил! – Погремушкин утопил пухлый кулачок в своё не менее упитанное плечо. – Я первый всем сказал, что она – актриса!

– А ей точно тридцать пять лет? – дивился Трещёткин,

глядя на эту недетскую решимость на абсолютно детском лице.

– Точно! – отмахнулась Леонелла. – Мы с ней... В одной школе учились.

– Ага, только она классами помладше, – равнодушно уточнила Симона.

– Всё-то ты помнишь, – сквозь зубы похвалила Погрешкина коллегу. – Прямо как слон.

– Хорошо, не как сколиозная зебра.

– Какая зебра?

– Сколиозная. У неё помимо кривой спины ещё грива такая, знаешь, дешёвая, плохо покрашенная.

– Я просто не могу добиться нужного цвета! – швырнула оправдание Лёня.

– Да? То есть «сколиозная» тебя вообще никак не смутило?

– Да хватит вам! – Эразм перехватил костлявую ручонку супруги. – Нашли время! Скажи, Мстиславик?!

Но генерал-майор предпочёл сделать вид, что ничего, кроме телевизионных показаний Татович, не слышит. Ещё не хватало – собственную супругу осаживать. Во-первых, они с ней – семья! А, во-вторых, ну, правда, Лёнька на склеротичную косулю дюже смахивает. Или как там Симона отчебучила?

– Никого не бойтесь! – вещала актриса. – Тут нет ничего постыдного! Это ему, тому, кто совершил над вами наси-

лие, должно быть стыдно. Ведь никакой нормальный... настоящий мужчина никогда так не сделает! Да, меня изнасиловали....

– Уууу, – протянула Паркинсон. – Её ж теперь вообще никто замуж не возьмёт, – европейский зам выдохнула из себя советское прошлое.

– И не говори, – солидарно цокнула языком Погремушкина. – Даже этот, как его, ну чухан этот с метлой, и тот скорее на своей швабре женится.

– Или на тряпке! – подхватила Симона, давясь от хохота.

– А, может, он из этих, – заговорщически прошипела зам по населению, – Из меньшинств! И давно уже крутит с каким-нибудь веником.

Дамы дружно принялись утрамбовывать клокочущие в горле смешки, периодически добавляя ещё более уморительных красок к и без того невероятно комичной картине. Ну, так им это виделось.

– А вообще фу, – Леонелла смахнула проступившие слёзы.

– Чего фу? – Симона одной рукой обмахивала раскрасневшееся лицо, другой держала коллегу за локоть.

– Целоваться с ним фу! – уточнила Погремушкина. – У него же усы эти мерзкие! Лучше реально швабру чмокнуть!

– Да ну неужели? – подозрительно мирно осведомилась Паркинсон.

Невольно дёрнув собственными усами, главмент продол-

жил изображать абсолютную глухоту. Поняв, что сказала что-то не то, Лёня попыталась вырваться из объятий зама по медицине, которые отчего-то с каждой секундой становились всё крепче и крепче.

– Я с вами совершенно откровенна! – Татович уверенно сжимала микрофон. – Я больше не боюсь! И вам не надо бояться! Мы обязательно сможем поймать этого недомужчину. Милые девушки, если вы, как и я, стали жертвой насильника, не раздумывайте – срочно бегите в милицию! Вместе мы сила! Мы обязательно накажем этого подонка!

– Вот она смелая! – капитан Витюша восхитился громче, чем рассчитывал.

– Смелая? – к Паркинсон-Кубышкину внезапно вернулся слух. – Пряма не то слово, Трещёткин!

– А какое?

– А матерное! Тебе такие слова ещё рано знать.

– Ну, товарищ генерал-майор....

– Шагом марш, товарищ капитан!

– А куда?

– А на место преступления! И без маньяка этого самого не возвращайся.

Витюша хотел было продолжить, но внутренний голос подсказал ему заткнуться. Больно уж напоминал тот зов ворчание Мстислава Игнатовича, посему капитан шаркнул ножкой и был таков.

– Это просто бомба! – сотрясалась от восторга «некраса-

вица», щипая в порывах профессиональной страсти то растянутый свитер, то бородача. – Живо в машину! К девяти часам нужно успеть!

Журналистская братия нырнула в газель, и не успел Мстислав Игнатович и усом повести, как репортажная тройка унесла копыта.

– Уф, – раскрасневшаяся Татович обернулась к чиновникам. – Я смогла!

– Смогла, деточка, ещё как смогла, – Симона склонила голову к правому плечу.

– Это всё благодаря вам! – искрилась радостью актриса. – Спасибо! Спасибо! Спасибо!

– Пожалуйста, – хором выдавили присутствующие.

– Завтра в участок не забудьте зайти, – добавил от себя Паркинсон-Кубышкин и принялся догонять удаляющихся единомышленников.

– Вот изверги, – грустно вздохнул Искандер, узрев усеянный фантиками асфальт. – Разве так можно? – в который раз опечалился человеческой ленью дворник тире сторож, заметая окурки в совок.

Однако никто не выразил соболезнования Лопаткину в связи с утратой чистоты. Все оказались слишком заняты. Собой. Работой. Да чем угодно. Все очень торопились. Домой. К телевизору. На выпуск «Эс Ньюс». А ему, дворнику тире сторожу, спешить некуда. И не к кому. Если только тоже пойти вечерние новости глянуть. Надо же понимать, ради чего

собственно всё это было.

Глава 7.

Телесенсация в условное время рванула из преимущественно плоских телевизоров на в большинстве своём скромные, но уютные просторы квадратных метров. Знаете, когда новость – действительно новость, а не просто там очередные роды самки гиппопотама, то обратите внимание, соответствующий выпуск отваливается от экрана даже раньше положенного часа. Пусть хоть на минутку, но телевизионщики и тому рады. Они же тоже люди. И не просто люди, а люди с ценной информацией за щекой. Ну как тут до девяти усидеть? Когда нечаянная весть вон, уж по подбородку сочится. Вот и команда «Эс Ньюс» не утерпела. Ровно в двадцать часов пятьдесят девять минут главный канал европейского города таки вырвало на благодарных телезрителей.

Однако хитрая дикторша, так вероломно вломившаяся в умы рядовых квартирантов, сообщать самое ценное не торопилась. Морща выбеленное гримом лицо в полуулыбке а-ля «а я-то уже знаю», она принялась обстоятельно докладывать о совсем не важных событиях. Вот, например:

– На улице имени Защиты прав потребителей наконец-то забор покрасили....

Больно уж нервировала жильцов соседних домов эта коротенькая надпись, оставленная неизвестным художником. Нет, вы не забывайте, Эс – это как никак Европа: тут к лю-

бому творчеству изначально с глубоким пиететом подходят. И здесь не поленились, подошли. Раз подошли, другой, да даже третий, но всё одно в прозаике трёх кривеньких букв никакой художественной ценности так и не проступило. Конец сей истории вы знаете.

– А вдоль бульвара Сновидений установили автоматы со сладкой ватой.

Голубого цвета, между прочим! Нет, сами автоматы белые, а вата в них не розовая, а голубая! Ни у кого в других Европах такого нет, имейте в виду!

– Только что мне сообщили, – ведущая деловито придерживала наушник, которому явно не симпатизировали чужие барабанные перепонки.

– Ну наконец-то! – выдохнули облегчение телезрители, коим под эту нудную лабуду кусок ужина в горло не лез.

Да нет, лез, конечно, чай весь день на работе пахали только ради него, но удовольствия-то никакого. Это как морковь для тех, кто на диетах верхом, давно и прочно: ешь, сколько душе угодно, хрумкай – не стесняйся. Подарок судьбы, не правда ли? Прямо вот и мечтать больше не об чем?! А сколько колбасу не воображай, желудку сытно не станет.

– Внимание, срочная новость! – дикторша откинула безгливый наушник и важно прищурилась в камеру.

– Вот оно, – Эразм Эразмович с досадой отодвинул вторую миску с борщом. – Началось! – глава Управы стряхнул хлебные крошки с ладони посредством домашних брюк и по-

тянулся за пультом. – Пришла беда, откуда не ждали, – мэр увеличил звук телевизора пропорционально громкости своих переживаний.

– Ну всё! – в соседней квартире оповестил свою кухню Мстислав Игнатович. – Покой нам теперь даже сниться не будет, – главмент огляделся, но его надежда и опора в спальне беззаботно крутила бигуди. – Чтоб вас всех! – Паркинсон-Кубышкин погрозил кулаком равнодушной к его опасениям ведущей.

– Срочная новость – печальная повесть, – продекламировал у себя в камерке Искандер и воодушевлённо потянулся к исписанному ежедневнику. – Приходит с экрана.... С экрана.... Приходит с экрана, заводит барана, – Лопаткин с прискорбием уткнулся в мозолистые ладони.

– Сегодня вечером, – ведущая усердно вбивала слова в сознание каждого.

– Как сегодня? – взбрыкнул Погремушкин, роняя капусту изо рта.

– Опять сегодня? – дёрнул усами Кубышкин, позабыв о том, что он ещё и Паркинсон.

– Сегодня вечером.... Сегодня вечером, – Искандер с надеждой уставился в ежедневник. – Сегодня вечером... скажу о вечном вам..., – дворник тире сторож торопился обессмертить свои мысли. – Я лгать не стану.... Куплю барана...., – едва не плача, закончил Лопаткин.

– На перекрёстке улицы Коммунистической Оккупации

и Эфемерного переулка случилось ужасное ДТП, – недобро чеканила ведущая. – Столкнулись два велосипедиста. Трагедия произошла в семь часов вечера по местному времени. Как сообщают наши источники, пострадавших нет. Это все новости к этому часу.

– Тьфу ты! – выругался Эразм Эразмович и тут же приступил к холодцу.

Желированная масса активно закивала в знак солидарности с выбором мэра.

– Ё ж моё! – выдохнул Мстислав и, помедлив, направился в комнату к супруге.

Симона Ахилловна, аки дикобраз, закопалась в бигуди по самую чёлку.

– Уффф, – обжёгся чаем Искандер и спешно отставил виновника подальше.

Зодиакальный овен, изображённый на кружке, как будто даже набычился.

– А сразу после прогноза погоды смотрите документальный фильм, подготовленный нашими журналистами, – диктор таки позволила себе улыбнуться, но тут же исправилась, добавив в голос зловещие нотки, – Эксклюзивные кадры самого громкого расследования только в «Эс Ньос».

Наетые пресными новостями зрители снова бросились к столу. То, что завтра плюс девятнадцать и без дождей, незаметно рухнуло в жаждушую сенсации прорву. Зазвучала тревожная музыка. Экран облепили не менее пугающие буквы.

– Красавица и Чудовище, – помог прочитать закадровый голос.

– Это было ужасно! – мелькнуло бледное лицо Татович. – Он такой..., – актриса пыталась подобрать слова. – Он один такой! Один такой!

Нарезки интервью канули в темень, чтобы сейчас же накормить подробностями страждущих по полной. Затаив дыхание, город Эс прильнул к экранам.

– Я с вами откровенна! – слова Таты перемежались кадрами со знакомого жителям Эски проулка Гелотологии. – Я больше не боюсь!

В разинутые рты потекла долгожданная пища для позабывших усталость умов. Заботливо разжёванные телевизионщиками куски беспрепятственно достигали самого эпицентра наслаждения. Нет, ради этого определённно стоило жить! Жить во имя возможности хоть на часочек обмакнуть годы своего будничного существования в перчинку чужих событий.

Глава 8.

Утро незаметно свалилось на островок демократии. Истинные по своей ментальности европейцы вяло скребли иностранной щетиной по родным зубам. Бодрящие напитки вынуждали отхаркивать сонную хрипотцу. Бутерброды заглатывались. Посуда мылась. Ботинки зашнуровывались. Ключи падали в руки. Ответственность пинками сгоняла квёлые тела на работу.

Казалось бы, всё как вчера. Как и неделю назад. Ту самую неделю, что пластично растягивается на десятилетия. Но это только казалось. Каждый из проснувшихся и даже из вероломно дремавших знал – его жизнь больше никогда не будет прежней. Сегодня город Эс, эс как доллар, пробудился, чтобы храбро шагнуть в иную реальность.

Вчерашний репортаж никому не оставил шанса на равнодушие. Нет, коротать свой век в привычном ритме уже не получится. Не сможется обыденно протирать планету с грузом такой информации на лопатках. Это же не просто сенсация. Не какая-то там информационная бомба. Сие натуральный переворот сознания того, кто способен сознавать.

Менее суток назад граждане воочию наблюдали за тем, как человеческая смелость прорывает ограничивающую всех остальных плотину бытия. Сие виделось непостижимым ещё каких-то двадцать четыре часа назад. Да что тут

долго рассюсюкивать? К чему эти застиранные мозгом слова? Минувший день ознаменовал рождение легенды. У города Эс появился герой! Первый герой! И имя ему....

– Чудовище! – жадно облизывали телевизионный термин спешащие на службу прелестницы.

– Маньяк! – давясь кислородом, вторили уже трудящиеся дамы на местах.

– Один такой! – сталкивались в общем мнении и те, и другие.

Нет, жить, будто ничего не случилось – решительно никаких сил не хватит.

– Вот стерва! – бухгалтер Ляля Цаплина в негодовании мотала погрязшими в ржавой хне кудрями.

– И не говори! – вторила ей коллега-финансист.

– Пойдём покурим, что ли? Из-за этой актрисульки вон, – рыжеволосая леди сотрясала воздух исписанными бумагами, – Даже дебет с кредитом сошёлся!

– Так это ж хорошо? – пыхнула недоумением коллега, накидывая на покатые плечи белый пиджак.

– Так это совсем разные балансы! – Ляля обозлилась пуще прежнего. – Всё, не могу больше!

Суету коридора Управы разбавили две фигуры: одна напоминала бочонок лото, при условии, что тот всенепременно надел белый пиджак, вторая походила на долбёжный гвоздь с короткими рыжими пружинками по периметру шляпки.

– Здравствуйте, – периодически плевали фигуры по уг-

лам.

– Да ужас! – положительно ответствовали Гвоздь и Бочонок на вопрос «Смотрели вчера?».

Соскочив с крыльца, Ляля, не оглядываясь, устремилась куда подальше от главного входа. Коллега-финансист, хлопая лапами пиджака, усиленно делала вид, что не отстаёт.

– Стерва! – выдохнула Цаплина, прикуривая тонкую сигарету.

– Стерва, – задыхаясь, согласилась её визави.

– Но счастливая, – протянула бухгалтер, разворачивая барбариску.

– Счастливая, – вторая курильщица выпустила струю дыма в асфальт.

– Не успела приехать, и сразу же первый маньяк – её!

– Да, – коллега задумчиво стряхнула с покатога плеча невидимую пылинку.

– Вот почему он её выбрал? – не унималась Цаплина. – Что в ней вообще такого?

– Знаменитость! – иронично протянула Бочонок.

– Да что ты! – подыграла бухгалтер. – Знаменитее некуда. Ни кожи, ни рожи. Хотя вру – одна рожа и есть! Бледная и противная как... как...

– Здравствуйте! – поприветствовали собеседницы мимо проходящую кадровичку.

– Короче, – Ляля запихнула в рот вторую барбариску, – Дура она!

– И моль!

– Моль облезлая! Строит, главное, из себя! Бедная я, несчастная! Пожалейте меня!

– Курица!

– Курица общипанная! Кудахчет, кудахчет, а сама вся такая-растакая! Стоит, любуется мордой своей куриной!

– Голубь!

– Голубь сизокрылый! В смысле? Почему голубь?

– Не, я говорю, голубь идёт, – коллега тыкнула белым рукавом в прогуливающуюся позади них птицу, – Аккуратно, не наступи.

– Пошёл вон! – вскинулась Ляля на пернатого. – Нет, ну, – Цаплина, переменяя конфету с сигаретой, старалась подобрать достойное обзывательство, – Короче, за что ей это? – чуть не плача выдала она. – Я вот симпатичная....

– Симпатичная!

– Милая....

– Милая!

– Красивая....

– Да....

– Так почему, – бухгалтер обиженно потрянула кудрями, – Он её выбрал?

Коллега-финансист активно кивала, но инициатива сия никак не помогала нужным словам подброситься в голову.

– У меня знаешь, сколько... маньяка уже не было? – Ляля обиженно поджал губы. – Не понимаю, чего им всем надо!

– Маньякам? – осторожно поинтересовалась Белый пиджак.

– Мужчинам! – нервно пояснила Цаплина. – А уж до маньяка я сама доберусь, – понизила голос бухгалтер. – Тоже мне, актрисулька дешёвых киношек и жалких спектаклей. Что она о себе вообще возомнила? Моль! Курица! Го... голодранка!

Терзаемая ненавистью Ляля разжала кулаки, и на серый, как её лицо, асфальт неслышно спланировали красно-зелёные фантики.

– Мышь! – бросила Цаплина, увенчав своё настроение окурком.

– Уродская мышь, – сомневаясь в своих навыках оскорблений, тихо добавила коллега-финансист.

– С дороги! Идиот! – донеслось до Искандера, что намеревался нейтрализовать последствия «Пойдём покурим, что ли».

– Извините, – пожал плечами Лопаткин, освобождая и без того свободное пространство.

– Мети – не разговаривай, – попрощалась Цаплина.

– Мети – не разговаривай, – одними губами повторил дворник тире сторож. – Мети – не разговаривай, – он легонько ударил веником по сладким обёрткам.

Чуть позже в его ежедневнике появятся эти строчки:

Мети – не разговаривай,

Суровая зима.

В снега укутай всё сама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.